

Л.С. ОКУНЕВА

ДВУХСОТЛЕТИЕ НАЧАЛА ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ И СТОЛЕТИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1910 года В МЕКСИКЕ

Минувший 2010 г. для Латинской Америки – время целой серии мемориальных дат и знаменательных событий: это год 200-летия независимости ряда стран континента. Год прошел, и специалисты задаются вопросом: каким было содержание этого долгого исторического пути, каковы достижения и трудности, чего добились латиноамериканские страны в течение этого исторического отрезка. Это же волнует и исследователей, политологов, политиков, самих латиноамериканцев. Некоторые ответы очевидны: прогресс налицо, трудности известны; другие – как из области древнейшей истории, так и из области сугубо современной – еще должны быть прояснены.

Весьма притягателен в данном контексте исторический облик Мексики. “2010 год – год Родины, 200-летия со дня начала борьбы за Независимость и 100-летия начала Революции” – так официально окрестили в Мексике этот знаменательный год. В течение всего года в стране отмечались многочисленные исторические даты, связанные с этими кардинальными событиями; нет недостатка в дискуссиях, обсуждениях, размышлениях.

Вот лишь два небольших примера.

В июне 2010 г. президент Ф. Кальдерон заявил, что к моменту празднования 200-летия независимости каждая мексиканская семья получит маленький национальный флажок, чтобы украсить им свой дом или выйти с ним на улицу. 21 июня 2010 г. президент возглавил торжественную церемонию приема “Исторических знамен” на Марсовом поле. Речь идет о первых собственно мексиканских флагах, появившихся еще до 16 сентября 1810 г.¹

В многочисленных исследованиях прослеживается стремление связать исторические даты Мексики с крупнейшими событиями мировой истории, вписать их в общемировой контекст. Так, публицист Х.Ф. Сантьян в статье со знаковым названием “1810, 1910, 2010” пишет: «Числа говорят подчас больше слов. Среди огромного количества плакатов, развешенных в Берлине накануне падения Стены, был один, не содержащий никакого текста, на плакате были указаны лишь две даты: “1789–1989”, что должно было показать связь между Французской революцией и восстанием современных немцев, отстаивавших ценности свободы, равенства и братства, которые стремился сокрушить сталинизм». Эта “магия чисел”, по словам автора, набирает силу и в Мексике: “2010 год ставит перед нами задачу окинуть взглядом нашу историю и посмотреть на нее с точки зрения того, приблизились ли мы или отделились от тех основополагающих принципов, которые легли в основу нашего государства начиная с 1810 г., а затем были вновь подтверждены революцией 1910 г. Иными словами, какой итог мы могли бы подвести сегодня перед лицом тех, кто во главе с Мигелем Идальго стоял у исто-

Окунева Людмила Семеновна – доктор исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН.

¹ Ejército regalará banderas por Bicentenario. – El Universal, México, 21.VI.2010. – <http://www.eluniversal.com.mx/noticias.html>

ков мексиканской государственности, и тех, кто по призыву Франсиско Мадеро взял в руки оружие в борьбе за более справедливую и свободную страну?”². И далее следует заключение автора, крайне характерное для “мексиканского взгляда” на собственную историю, – она предстает как единое взаимоувязанное целое, а события, относящиеся к разным периодам и эпохам, одновременно несут в себе ту связующую нить, которая и позволяет говорить о непрерывном, “перманентном” характере мексиканской истории (подобная методологическая установка явственно связана с важной исторической традицией Мексики – и историографической традицией мексиканских социальных наук – в отношении трактовки революции 1910 г., о чем будет сказано ниже). “Наш национальный проект, – пишет Сантьян, – содержит в себе путеводную нить, которая связывает воедино Конституцию Апатцингана 1814 г.³, федеральную Конституцию 1824 г., либеральную Конституцию 1857 г. и революционную Конституцию 1917 г. Во всех этих конституциях поступательным образом фиксировались гарантии прав индивидуума, политические и социальные права, верховенство закона, разделение властей, светский характер государства, принципы гражданского общества, национальный суверенитет, складывание государства, способного гарантировать общественный порядок и лидерство в сообществе наций на международной арене”⁴. Именно с этой высокой планкой, заданной предшественниками, автор статьи предлагает сопоставить нынешнее развитие страны и делает весьма неутешительные, пессимистические выводы.

И вместе с тем само празднование 200-летия независимости и 100-летия Революции в Мексике 15–16 сентября 2010 г. стало поистине грандиозным. В столице в нем приняли участие почти полмиллиона человек. Собравшиеся на центральной площади города перед Национальным (президентским) дворцом приветствовали криками “виват” речь президента Кальдерона, в которой он перечислил героев Войны за независимость; упоминание их имен вызывало единодушный отклик зрителей, заполнивших площадь Сокало. Портреты деятелей движения за независимость проецировались на фасад кафедрального собора Мехико и даже главный памятник столицы – Ангел Независимости – “ожил” на стенах Национального дворца, ставшего своеобразным экраном для светового и музыкального представления. “Да здравствует 200-летие Независимости! Да здравствует 100-летие Революции!”, “Да здравствуют герои, которые подарили нам нашу Родину!”, – провозгласил президент, держа в руке национальный флаг. После трехкратного приветствия “Да здравствует Мексика!” он ударил в колокол, возвестивший начало празднеств. Зазвучавший национальный гимн вместе с президентом пела вся площадь...

Вечером же в ходе масштабного пиротехнического шоу небо Мехико окрасилось в зелено-бело-красные тона – цвета мексиканского флага. Зрители встречали все новые и новые салюты и фейерверки возгласами “Да здравствует Мексика!”. Празднества закончились далеко за полночь⁵.

Данная статья ни в коей мере не претендует на доскональный анализ богатейшей истории Мексики – в отечественной мексиканистике многие исследователи десятиле-

² *Santillán J.F.* 1810, 1910, 2010. – *El Universal*, México, 1.I.2010. – <http://www.eluniversal.com.mx/noticias.html>

³ Данная Конституция знаменовала собой один из этапов Войны за независимость; она была принята в г. Апатцинган (на территории нынешнего штата Герреро) 2 октября 1814 г. по призыву Х.М. Морелоса, когда патриотам удалось обратиться в бегство войска испанцев. В основу конституции были положены идеи Французской революции, испанской Кадисской конституции 1812 г.; она явилась также отражением взглядов самого Морелоса. Вместе с тем в отличие от Кадисской конституции она провозглашала установление республики. Конституция не была претворена в жизнь, а после гибели Морелоса испанцы восстановили (хотя и временно) свое господство на территории Мексики.

⁴ *Santillán J. F.* Op. cit.

⁵ *Calderón cumple con ceremonia del Grito.* – *El Universal*, 15.IX.2010. – <http://www.eluniversal.com.mx/notas/709238.html>; *Espectáculo multicolor ilumina el Ángel.* – *El Universal*, 15.IX.2010. – <http://www.eluniversal.com.mx/notas/709241.htm>

тиями плодотворно разрабатывают эти проблемы⁶. Автор лишь хотел бы предложить собственное видение основных особенностей и этапов исторического пути Мексики, общей траектории ее эволюции в течение двух столетий независимого развития.

Прежде всего отметим: Война за независимость, ознаменовавшая начало нового периода развития континента, началась не в одной Мексике – она вспыхнула сразу в шести точках бескрайнего пространства тогдашней Испанской Америки. Вторжение наполеоновских войск в Испанию, отречение короля Карла IV, интернирование нового короля Фердинанда VII во Франции, поражения испанских войск в борьбе с Наполеоном, оккупация большей части Испании французами – все это явилось сигналом к началу в 1810 г. восстаний в различных районах Испанской Америки (разумеется, причины этих восстаний были гораздо глубже и формировались на протяжении всего колониального периода).

В 1810 г. освободительное движение испанских колоний приняло общеконтинентальный размах, охватив с апреля по октябрь все стратегически важные колониальные центры – от Каракаса, Боготы, Новой Испании (Мексики) на севере до Буэнос-Айреса и Чили на юге и Верхнего Перу (Боливии) на западе, свергнув там испанское господство. Поначалу события в каждом из этих регионов были мало связаны между собой, казались оторванными друг от друга, особенно на первом этапе войны за независимость (тем более что к концу этого этапа, в 1815–1816 гг., колониальный режим на всех этих территориях был восстановлен). Но на втором этапе освободительного движения, которое в конечном счете увенчалось победой креольских патриотов и привело к образованию независимых государств, стало ясно, что эти поначалу ограниченные во времени и пространстве выступления были не случайны и далеко не локальны; концентрируя в себе противоречия между колониями, с одной стороны, и их могущественной европейской метрополией – с другой, они имели глубинный смысл и широкомасштабные последствия.

Итак, Мексика – один из первых и главных пунктов борьбы. Что она представляла собой до, во время и после Войны за независимость?

На наш взгляд, богатейшую историю Мексики можно подразделить на ряд этапов, или периодов. Первый из них – доколумбова эпоха, эпоха высоких цивилизаций. Не случайно в 1992 г., когда в преддверии празднования 500-летия открытия Америки на “интеллектуальной площадке” ООН разгорелись острые споры на тему “отмечать или

⁶ См.: *Альперович М.С., Руденко Б.Т.* Мексиканская революция 1910–1917 гг. в политике США. М., 1958; *Очерки новой и новейшей истории Мексики.* М., 1960; *Кнорозов Ю.В.* Письменность индейцев майя. М., 1963; *его же.* Иероглифические рукописи майя. Л., 1975; *Шереметьев И.К.* Государственный капитализм в Мексике. М., 1963; *Мексика. Политика. Экономика. Культура.* М., 1968; *Кинжалов Р.В.* Искусство древних майя. Л., 1968; *Шульговский А.Ф.* Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1968; *Лавров Н.М.* Мексиканская революция 1910–1917 гг. М., 1972; *Соколов А.А.* Рабочее движение Мексики (1917–1929). М., 1978; *Гуляев В.И.* Города-государства майя. М., 1979; *его же.* Древние майя. М., 1984; *Пестковская Е.С.* Эволюция классовой структуры Мексики в период стабильного развития (40–60 гг. XX в.). М., 1979; *Мексика: тенденции экономического и социально-политического развития.* М., 1983; *Визгунова Ю.И.* Рабочий класс в освободительном движении Мексики. М., 1989; *Мексика: капитализм и общество. Противоречия развития.* М., 1990; *История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века.* М., 1991; *Зубрицкий Ю.А.* Встреча миров: открытие и сокрытие Америки. М., 1992; *Ланшев Е.Г.* Национал-реформизм и его политические силы. – *Латинская Америка: политические партии и социальные движения*, т. 1. М., 1993; *Боровков А.Н., Шереметьев И.К.* Мексика на новом повороте экономического и политического развития. М., 1999; *Ершова Г.Г.* Древние майя: уйти, чтобы вернуться. М., 2000; *Петрова Т.П.* Винсенте Фокс: путь в президенты. – *Латинская Америка*, 2002, № 7; *Cosío Villegas D. et al.* Historia mínima de México. México, 2003; *Lozano Fuentes J.M., Lopez Reyes A.* Historia general de México. México, 2003; *Марчук Н.Н., Ларин Е.А., Мамонтов С.П.* История и культура Латинской Америки. М., 2005; *Кофман А.Ф.* Кортес и его капитаны. М., 2007; *Ларин Е.А.* Латиноамериканская цивилизация. М., 2007; *Новая краткая история Мексики* (пер. с исп.). М., 2008.

праздновать” и “открытие Америки или встреча двух культур”, Мексика, наряду с другими индейскими странами, внесла свой вклад в эту полемику, приведя солидную аргументацию в пользу концепции “встречи двух культур, двух цивилизаций”. И действительно, какая страна, как не Мексика, является ярчайшим проявлением высокого уровня цивилизационного развития: это и ольмеки – прародители мексиканской культуры, и майя периода Древнего и Нового царства, и тольтеки, и цивилизация Теотиуакан, оставившая нам знаменитые пирамиды, и тотонаки, и сапотеки, и, наконец, ацтеки, основавшие в долине Мехико город Теночтитлан – впоследствии столицу независимого государства. Доколумбов период истории Мексики изучен самым подробным образом во многих странах, подвергся он тщательному изучению и в нашей стране (самое крупное достижение – открытие мирового масштаба: расшифровка советским ученым Ю.В. Кнорозовым иероглифической письменности майя, а также работы В.И. Гуляева, Р.В. Кинжалова, Ю.А. Зубрицкого, большой вклад в дело познания мексиканской культуры вносит Мезоамериканский центр им. Ю.В. Кнорозова в Российском государственном гуманитарном университете под руководством д.и.н., проф. Г.Г. Ершовой). Ну а если оказаться в Мексике, то главным хранителем ее истории является грандиозный и впечатляющий столичный Национальный антропологический музей, дающий полное наглядное представление о степени развития древних цивилизаций на территории этой страны и не оставляющий никаких сомнений в том, является ли необходимым говорить о “встрече двух культур”.

Второй этап – конкиста. Отталкиваясь от своей опорной базы на Кубе, испанские конкистадоры обследовали побережье острова Юкатан, устье реки Табаско, западные берега Мексиканского залива и вплотную подошли к границам северного очага зоны высоких цивилизаций. Начинается драматический этап: покорение царства ацтеков Э. Кортесом. Это и завоевание Центральной Мексики и Мексиканского нагорья, и осада и падение Теночтитлана, и дальнейшее завоевание последователями Кортеса городов-государств майя на полуострове Юкатан. Ровно три века – с 1521 г., года падения Теночтитлана, по 1821 г., год провозглашения независимости, – Мексика как часть вице-королевства Новая Испания (образованного в 1535 г.) будет крупнейшей испанской колонией.

Период Колонии, таким образом, закрепил подчиненное положение Мексики. В конце XVI в. Мехико и Гвадалахара стали двумя из пяти аудиенсий Новой Испании. В вице-королевстве отрабатывались методы колониального управления и колониальной эксплуатации, распространявшиеся и на другие покоренные регионы. В этот период в Мексике развиваются ремесла, текстильная промышленность, производство тканей из шелка, шерсти и хлопка, появляются первые мануфактуры, развивается горное дело, прежде всего добыча серебра, в прибрежных зонах формируются экспортно-ориентированные отрасли хозяйства (табак, кофе). Эпоха Колонии – это и время огромного размаха градостроительства – на развалинах бывших индейских поселений (Теночтитлан), в местах морских коммуникаций (Веракрус) закладываются города, крепости, поселения. Это и время складывания своеобразного этнического облика населения. Процесс метисации в Новой Испании протекал особенно бурно, смешение различных этнических компонентов, прежде всего (в случае именно Новой Испании) формирование испано-индейских метисов, так называемых ладинос, определило полиэтничный состав колониального общества. Колониальная эпоха в Мексике – это и время народных антииспанских движений, которые были ответом не только на подчиненное положение колонии, на сковывавшие и удушавшие ее пути королевских монополий и регламентаций, но и на жестокое истребление коренного населения: прежде всего вооруженная борьба против конкистадоров во время обороны Теночтитлана, возглавленная национальным героем Мексики, индейским вождем Куаутемоком, а также другие многочисленные восстания индейцев в XVI–XVII вв. (в XVII в. в восстаниях участвовало до 300 племен, что заставляло колониальные власти строить крепости), массовые выступления юкатанских майя и тарасков в XVIII в.

Следующий этап мексиканской истории, несомненно, связан с Войной за независимость. 16 сентября 1810 г. (ныне 16 сентября является национальным праздником Мексики – Днем независимости) священник Мигель Идальго из селения Долорес призвал своих прихожан к вооруженной борьбе за свободу и землю. “El grito de Dolores” – “Клич из Долорес” – стал сигналом к выступлению. После гибели Идальго борьбу возглавил его соратник, священник Хосе Мария Морелос. Однако к концу 1815 г. Морелос был казнен испанцами, и на большей части территории Новой Испании было восстановлено колониальное господство. Вместе с тем мексиканские патриоты не прекращали борьбу, и в обстановке нового подъема освободительного движения после испанской революции 1820 г. преемник Идальго и Морелоса В. Герреро, будущий второй президент независимой Мексики (1829 г.), возглавил на юге страны сопротивление владычеству метрополии. Тем временем армия полковника Итурбиде очистила от испанского присутствия почти всю территорию страны и вступила в Мехико, где 28 сентября 1821 г. была провозглашена независимость Мексиканской империи. На следующий год Итурбиде был объявлен императором под именем Агустина I, но продержался менее года, после чего империя пала, а самого его выслали из страны. В 1824 г. принята конституция Мексиканских Соединенных Штатов, где провозглашался республиканский строй, декларировались упразднение инквизиции, лишение церкви монополии на образование, равенство всех перед законом, свобода печати, отмена колониальных податей.

Так Мексика вступает в XIX в. И здесь возникает очень интересная проблема. Речь идет об альтернативности латиноамериканской истории – альтернативности, большой вклад в формирование которой внесла именно Мексика. И действительно: все бывшие испанские колонии (кроме Кубы и Пуэрто-Рико, они оставались таковыми вплоть до самого конца XIX в. – до испано-американской войны 1898 г.) после завоевания независимости стали республиками⁷, а Мексика, хотя и на непродолжительное время, – империей. Далее. После завоевания независимости и на всем протяжении XIX в. главной, определяющей чертой политического развития молодых государств стала борьба либералов и консерваторов, а в Мексике она стала таковой “вдвойне”: помимо партий консерваторов и либералов сама партия либералов в свою очередь также делилась на “moderados” (“умеренных”, часто сближавшихся по своим политическим позициям с консерваторами) и “puros” (“чистых”, т.е. “крайних”, радикально настроенных).

История XIX в. в Мексике – период революций, иностранной интервенции, войн – как против внешних, иностранных угроз, так и войн гражданских. Представляется возможным “продлить” мексиканский XIX в. вплоть до 1917 г. – времени окончания глубокой буржуазно-демократической революции 1910–1917 гг., одновременно подводящей черту под радикализмом и конфликтным характером XIX в. и как бы “вводящем” страну в следующий век.

Итак, период от завоевания независимости до окончания Революции 1910–1917 гг. – это время и смены политических циклов (демократия – диктатура – демократия), и противостояния внешним ударам, и решения жгучих социальных проблем, и попыток обретения собственной идентичности. Борьба консерваторов и “пурос”, принятие правительствами либералов законов о ликвидации привилегий духовенства и армии, о секуляризации церковных земель привели к обострению политической борьбы и к установлению в конечном счете диктатуры генерала Санта-Аны. В годы диктатуры такие события, как аннексия Техаса и мексикано-американская война 1846–1848 гг., привели, согласно договору Гуадалупе – Идальго – по словам мексиканского исследователя, “одного из самых жестоких в новой истории”, – к потере Мексикой более половины ее территории, наложили серьезный отпечаток на дальнейшее развитие страны и в том числе на ее последующие отношения с США. Свержение в 1855 г. диктатуры Сан-

⁷ Речь, конечно, не идет о бывшей португальской колонии Бразилии, которая как раз продемонстрировала самую высокую степень альтернативности – ее исторический путь был совершенно особым.

та-Аны вновь выдвинуло на первый план нерешенные проблемы – ликвидация привилегий церкви и армии, снятие препонов на пути экономического развития. Чередование у власти “пурос” и “модерадос” привело в конечном счете к принятию демократической, прогрессивной конституции 1857 г., включившей в себя “Закон Хуареса” и “Закон Лердо”, которые как окончательно декларировали антиклерикализм, так и утверждали основные завоевания буржуазной революции, открывавшей возможности для быстрого экономического развития. Последовавшая гражданская война, в ходе которой были приняты знаменитые “Законы о реформе” Б. Хуареса, привела к победе либералов, однако период крайней нестабильности не только не закончился, но, напротив, возник в иной ипостаси – в форме иностранной интервенции трех европейских держав – Испании, Англии и Франции (1861–1867 гг.). Спротивление ей вылилось фактически в еще одну гражданскую войну, завершившуюся победой Хуареса.

Новый цикл мексиканской истории – приход к власти П. Диаса и установление его диктатуры, “el Porfiriato” (1876–1911 гг.). Это был сложный и противоречивый период мексиканской истории. С одной стороны, Диас и его окружение (“científicos”) выступали за скорейший переход слабой, разоренной в войнах и отсталой страны на новый уровень экономического развития – сегодня мы назвали бы эту стратегию модернизацией – и с этой целью активно привлекали иностранный капитал, который шел в самые прогрессивные по тому времени отрасли экономики – железнодорожное строительство, нефтяную промышленность, металлургию, химическую и текстильную промышленность. С целью стимулировать аграрное производство Диас на основании закона о колонизации пустующих земель начал экспроприацию земель у крестьянских (индейских) общин. С другой стороны, сложившаяся при нем политическая система была несомненной диктатурой; очень скоро выявились такие негативные последствия проникновения иностранного капитала, как его стремление закрепить монокультурный характер экономики и занять в ней господствующее положение (именно в период порфириата начинается борьба Англии и США за мексиканскую нефть), по словам мексиканских историков, “при Диасе Мексика стала для иностранцев истинным раем”; в аграрном секторе на основании вышеупомянутого закона о колонизации пустующих земель формируется система латифундий, многие из которых к тому же оказываются в руках иностранных компаний, при этом 97% населения остаются без земли.

Таким образом, режим порфириата сам создал предпосылки для последовавшей революции, которая развернулась в 1910–1917 гг., и сам невольно сформировал ее повестку: борьба против диктатуры и против иностранного капитала, за демократию, за аграрную реформу, за широкое общенациональное развитие и обеспечение национального суверенитета. Конечно, здесь не место давать подробный анализ этой революции – следующего яркого этапа истории Мексики. Сотни книг и статей написаны на эту тему – в Мексике прежде всего, но также и за ее рубежами, в том числе и в России (книги, диссертации, статьи – всего не перечислить). Даже если бы мы захотели только лишь изложить хронологию событий, перечислить имена ее участников и действующих лиц – только на это потребовалось бы немалое место. Да это и не задача данной статьи. Поэтому ограничимся лишь констатацией того, чем была необычна, не похожа на других революция 1910–1917 гг., “перепавшая” Мексику, открывшая первую страницу ее новейшей истории, определившая ее лицо в XX в. (100-летие именно этой Революции (так – с большой буквы – ее называют в Мексике) и отмечалось в стране в ноябре 2010 г.).

Главное своеобразие мексиканской революции в том, что, поскольку, несмотря на упорную и во многом героическую борьбу, особенно партизанскую борьбу армий П. Вильи и Э. Сапаты, радикального решения всех вышеперечисленных проблем достигнуто не было, именно конституционный документ как завершающий акт революции был призван создать базу для перехода от революционных действий к построению постреволюционного государства. Конституция 1917 г. и явилась таким документом. В отличие от практически всех других конституционных актов, известных истории, она стала не традиционным законодательным оформлением предшествовавшего и за-

вершившегося политического процесса, а, напротив, *открыла собой ориентированное на будущее генеральное направление социального развития*. Три знаменитые статьи Конституции 1917 г. – 27 (о верховной собственности нации на недра, о возможности отчуждения земельной собственности с целью реализовать право каждого на землю, т.е. об аграрной реформе), 123 (свод трудового законодательства, включавшего в себя такие передовые по тем временам положения, как восьмичасовой рабочий день, определение минимальной оплаты труда, право рабочих на проведение экономической забастовки; закрепление верховенствующей роли государства в регулировании трудовых отношений); 130 (антиклерикальное законодательство: запрещение церкви владеть недвижимостью, вмешиваться в политическую жизнь, влиять на народное образование) – провозглашали принципы, *которые еще только следовало осуществить*. Деятельность по реализации этих принципов – глубокая аграрная реформа, демократические преобразования, передовое трудовое законодательство, защита национальных богатств и суверенитета – и составила квинтэссенцию политического процесса последовавших десятилетий: именно 1920-е (режим “революционного каудильизма”) и 1930-е годы показали, как в зависимости от соотношения политических сил реализовывались либо “притормаживались” статьи конституции. И годы правления президента Л. Карденаса (1934–1940 гг.) как раз и явились апофеозом реализации заложенных в конституции статей: была проведена глубокая аграрная реформа, нанеся серьезный удар по латифундизму, национализирована нефть, серьезно ограничена власть иностранного капитала, проводилась широкая социальная политика, утвердилась роль государства как верховного арбитра⁸. Не случайно именно тогда была сформулирована “теория перманентной революции”, когда реформы Карденаса рассматривались как конструктивное, идущее мирным путем продолжение революционных преобразований, начатых в 1910-е годы, и шире – как процесс, берущий начало с борьбы за независимость, проходящий через гражданские войны и катаклизмы XIX в. – к революции 1910 г. и далее вплоть до 1940-х годов. Именно в подобном ракурсе рассматривается “шестилетие Карденаса” зарубежными авторами и сегодня. Так, венесуэльский политолог Д. Боэрснер, характеризуя саму революцию 1910–1917 гг. как сочетавшую в себе революционный национализм, демократию, идеи верховенства общенационального перед частным и несшую в себе некоторый заряд “социализма”, пишет: “При президенте Карденасе Мексиканская революция вступила в свою высшую прогрессивную фазу, когда в стране были осуществлены радикальные внутренние реформы”⁹.

Все перечисленное выше заметно отличало Мексику от других латиноамериканских стран, добавляя серьезные аргументы упомянутой нами идее высокой степени альтернативности латиноамериканской истории. Говоря о значении мексиканской революции 1910–1917 гг. как крупнейшей фазы истории Мексики, следует также добавить, что поставленные ею в повестку дня насущные вопросы определили собой на долгие десятилетия вперед не только собственно мексиканское развитие, но и основное содержание новейшей истории всей Латинской Америки в XX в.: это вектор борьбы против диктаторских режимов, против элитарно-олигархической верхушки, за демократические преобразования; вектор борьбы за аграрную реформу, против латифундизма; вектор борьбы против интервенционистской политики США, против привилегий и засилья иностранного капитала, в защиту национального суверенитета, национальной

⁸ Это дало основания ряду отечественных исследователей характеризовать период карденизма как открывший новые альтернативы развития Мексики, связанные с возможностью глубоких антиимпериалистических, антиолигархических реформ (И.К. Шереметьев), революционно-демократических и даже – в перспективе – социалистических преобразований (А.Ф. Шульговский, Е.Г. Лапшев, А.И. Строганов). Другие же, напротив, вписывали этот эксперимент в “обычную” (быть может, лишь чуть более радикальную) парадигму латиноамериканского национал-реформизма.

⁹ Boersner D. *Gobiernos de izquierda en América Latina: tendencias y experiencias*. – Nueva Sociedad, 2005, № 197, p. 204.

экономики во имя преодоления отсталости; наконец, вектор борьбы за решение социальных проблем и проведение широкой социальной политики в интересах большинства населения. Заканчивая разговор о роли мексиканской революции, добавим, что она выявила также сложный характер соотношения и взаимодействия а) революции и реформы, б) демократии и социального прогресса, в) движений народных масс с присущей им стихийностью и действий либеральных сил с их стремлением к стабильности. Все это также проявилось в дальнейшем в истории латиноамериканских стран в XX в.¹⁰

XX век в истории Мексики – особая, не похожая на предыдущую страница. После бурного века XIX с его гражданскими войнами, революцией, иностранной интервенцией, после революции 1910–1917 гг. и становления постреволюционного государства, после правления Карденаса, с 1940-х годов начинается период, который, несмотря на все имевшиеся несомненные проблемы, противоречия, политическую борьбу, подчас попятные движения (особенно это касается “посткарденасовского периода” – деятельности кабинетов М.А. Камачо – 1940–1946 гг., М. Алемана – 1946–1952 гг., его ознаменовала заметная трансформация “мексиканской модели” – поворот вправо, отход от радикальных аспектов карденизма, компромиссы и “примирение” с иностранным капиталом, общее торможение темпов и самой направленности преобразований), все же в целом можно охарактеризовать как период умеренных реформ и стабильного поступательного развития с социальной направленностью¹¹. Никогда больше ни в XX, ни, конечно же, в начале XXI в. в Мексике не было гражданских войн или революций, она никогда не была зоной правления военных – напротив, когда вся Южная Америка превращалась в арену правления военно-диктаторских режимов, Мексика являла собой своего рода оазис демократии и стабильности.

Карденас ограничил президентский мандат шестью годами, а мексиканская конституция не предоставляла права переизбрания; поэтому периодизация истории Мексики с 1934 г. идет по правлению ее президентов. Деятельность правительств А.Р. Кортинеса (1952–1958 гг.), А.Л. Матеоса (1958–1964 гг.), Г.Д. Ордаса (1964–1970 гг.), Л. Эчеве́риа (1970–1976 гг.), Х.Л. Портильо (1976–1982 гг.) в общих чертах продолжила традиционный (с 1940-х годов) умеренный экономический и политический курс и знаменовала “эру стабильного развития”¹². В 1980-е годы имеет место трансформация модели: совпавшая с деятельностью М. де ла Мадрида (1982–1988 гг.) и особенно К.С. де Гортари (1988–1994 гг.) переориентация экономической системы на неолиберальные рельсы, изменение качественных характеристик национал-реформистской модели госкапитализма¹³. Далее последовало правление Э. Седильо и, наконец, в начале XXI в. – радикальная перестройка политической системы, связанная с приходом к власти В. Фокса (2000–2006 гг.) и правлением нынешнего президента Ф. Кальдерона¹⁴.

Выше было сказано, что XX в., в отличие от XIX, – стабильный. Но здесь важно сделать необходимое уточнение. Конечно, неверно было бы считать, что начиная с

¹⁰ *Строганов А.И.* Латинская Америка в XX веке. М., 2008, с. 56.

¹¹ Это было связано (конечно, в числе многих других причин) и с такой особенностью политической системы страны, как ее однопартийный характер: правление в течение 71 года (1929–2000 гг.) Национально-революционной партии/Партии мексиканской революции/Институционально-революционной партии.

¹² *Шереметьев И.К.* Введение. Метаморфозы мексиканской модели. – Мексика: капитализм и общество, с. 5.

¹³ Там же, с. 5–6.

¹⁴ О трансформациях политической системы и гражданского общества в этот период см.: *Визгунова Ю.И.* Общество и демократические реформы в Мексике: успехи и трудности. – Латинская Америка, 2000, № 1; *ее же.* По трудному пути перемен. – Латинская Америка, 2005, № 6; *ее же.* Мексика: метаморфозы демократии. – Латинская Америка, 2007, № 2; *ее же.* Стратегия обновления и общество. – Латинская Америка, 2008, № 12; *ее же.* Мексика. – В кн.: Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации, ч. 2. М., 2009; *ее же.* Противоречия и перспективы процесса демократических перемен в Мексике. – Латинская Америка, 2010, № 2.

1960-х годов и по настоящий момент Мексика являет собой сплошную бесконфликтную “зону процветания”. Отнюдь. История Мексики второй половины XX – начала XXI в. наполнена и острой политической борьбой (даже в благополучные 1960-е годы имели место студенческие волнения и их жесткое подавление властями, до сих пор не ушедшие из исторической памяти общества), и поисками путей социального реформирования (в ходе президентских выборов 2006 г. противостояние правоцентристов и левоцентристов достигло высокой степени остроты, когда почти половина электората отдала свои предпочтения левому кандидату и лишь ничтожная, в 0,5% голосов, погрешность не позволила ему прийти к власти), и коллизиями отношений гражданского общества и государства; в последние годы в стране разворачивается настоящая война правительства против разгула преступности и наркобаронов. Современная история Мексики ставит перед исследователями немало вопросов: о возможности присутствия черт авторитаризма в демократической политической системе, о коллизиях одно- и многопартийности в демократической политической системе (концепция “partido-Estado”), о месте государства в политической системе и в социальных отношениях, о соотношении этатизма/национализма и неолиберализма, о роли гражданского общества, о вызовах региональной интеграции (на примере членства Мексики в Североамериканской зоне свободной торговли – НАФТА) и др.

В последнее время процесс демократической трансформации в Мексике становится все более сложным и неоднозначным, отражающим новые потребности общества: речь идет и о поисках оптимальной альтернативы развития со значительной социальной составляющей, и о нарастающих протестных настроениях на фоне растущего разочарования граждан темпом и наполнением реформ, и о модификациях политической системы, связанных с процессами, идущими внутри главных политических партий (PAN, PRI, PRD), и о наследии старой политической культуры с ее патернализмом, авторитаризмом и клиентелизмом, вступающей в противоречие с новыми вызовами развития; все это имеет место на фоне углубления социального расслоения, поляризации и конфликта интересов, связанных с перераспределением собственности и власти¹⁵.

Вместе с тем даваемая всему XX в. характеристика “стабильный” призвана подчеркнуть такую важную особенность “мексиканского пути”: Мексика продемонстрировала предсказуемую политическую траекторию, несколько не поколебавшую (при всех известных поворотах) ни экономическую систему в целом, ни международные позиции государства – крупнейшей латиноамериканской страны, от ориентации которой многое зависит и на континенте, и на мировой арене.

Несколько слов о полиэтническом своеобразии Мексики – несомненной важной составной части мексиканской цивилизации, “мексиканского пути”. В постколониальную эпоху многочисленные иммиграционные потоки оставили в мексиканской культуре большой след, “встраиваясь” в ее культурное пространство, знаменуя собой “культурное разнообразие” страны.

Конечно, главную роль сыграли индейский и европейский/испанский компоненты, питавшие корневую систему мексиканской нации. Гораздо менее изучены исламо-арабская, африканская, азиатская составляющие, а также европейские (не испанские) и североамериканские элементы¹⁶. Например, арабское присутствие в Испании: его особенностями были привнесены и в Новый Свет. Изгнание в 1612 г. католическим королем Филиппом IV мавров из Гранады и их появление на американском континенте привело к тому, что через столетие после окончания конкисты в архитектуре Мексики возникли мавританские мотивы (это было наследие мавров, оставшихся в качестве вассалов на службе у христианских королей – “mudéjares”). Речь идет о таких архитектурных и декоративных элементах, как рельефная резьба по известняку, восьмигранные колон-

¹⁵ Визгунова Ю.И. Противоречия и перспективы..., с. 36, 38, 39–41, 45.

¹⁶ Simbiosis de culturas. Los inmigrantes y su cultura en México. G. Bonfil Batalla (compilador). México, 1993.

ны, наборные потолки, своды над поперечными аркадами, сдвоенные “венецианские” окна, зубчатые стены. Эти элементы пронизали собой всю культуру Новой Испании – от архитектуры до повседневной жизни, от языка до ковров и жалюзи; эта испанская колония казалась “более мавританской, чем невольничий рынок в Тунисе”. Рядом с местным населением жили потомки мусульман арабского происхождения, возводившие такие здания, как Атарасанес в Мехико, Рольо в Тепеаке, открытые часовни в Чолуле, ворота Гуатапера в Уруапане. Они также украшали геометрическими орнаментами (особенно восьмиконечными звездами) кресла и церковные хоры, производили керамику. Арабские элементы присутствуют и в иезуитских храмах, а также в церквях, особенно во многих мексиканских городах – и эти сооружения как две капли воды похожи на здания в Сирии и других арабских странах¹⁷.

Немаловажен и негритянский компонент. Негры-рабы имелись в Новой Испании, они ассимилировались путем метисации. Первые 4 тыс. негров были привезены из Африки на полуостров Юкатан; их использовали на сельскохозяйственных работах, в том числе на плантациях сахарного тростника в прибрежных зонах Мексиканского залива, на плантациях какао на тихоокеанском побережье, также они пасли стада, были домашними рабами, ремесленниками, практиковали магию и занимались колдовством. Негритянские наречия оставили след в просторечном лексиконе, традиционной медицине, формах приготовления пищи, в танцах и музыке (в Веракрус до сих пор проводится карнавал и его предшественник – “бал Чучумбэ”), а также в народных ритуалах, связанных с рождением, смертью, отношением к жизни¹⁸.

Любопытен “японский след” – он прослеживается в народных военных искусствах, а также в музыке, в декорировании помещений. Имеются случаи распространения индийской философии, в основном в трудах крупных мыслителей, политиков и художников, таких, как Ф. Мадеро, Х. Васконселос, Х. Клементе Ороско, О. Пас. Есть многочисленные данные о французском, итальянском, ливанском воздействии, а также об английском и американском влиянии, которое по большей части прослеживается в укоренении индивидуалистического менталитета, засилье коммерциализации, в трудовой этике, музыкальных направлениях (рок и др.)¹⁹.

Таковы в очень кратких очерчениях исторические, культурные и цивилизационные особенности Мексики.

¹⁷ *Antaki A.* Al encuentro de nuestra herencia islamo-árabe. – In: *Simbiosis de culturas...*, p. 101–105.

¹⁸ *Martínez L.M.* La cultura africana: tercera raíz. – *Ibid.*, p. 132–171.

¹⁹ *Simbiosis de culturas...*, p. 8–9.